ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

BUKTOP NEMEBUH

ДПП (НН)

УДК 821.161.1-3 ББК 84(2Poc=Pyc)6-44 П24

Пелевин, Виктор Олегович.

П24 ДПП (НН) / Виктор Пелевин. — Москва : Эксмо, 2023. — 384 с. : ил. — (Народное собрание сочинений Виктора Пелевина).

ISBN 978-5-04-171942-5

Книга Виктора Пелевина с непростым названием «ДПП (НН)» — это причудливая мозаика из романа и рассказов-миниатюр, подчиненных одной теме: переходу из ниоткуда в никуда. Главный герой романа «Числа» — банкир Степа, который всю свою жизнь строит как служение числу 34.

Рассказы, вошедшие в сборник, добавляют тонкие штрихи эпохе, в которой Степа, как мог, поклонялся своему фетишу...

УДК 821.161.1-3 ББК 84(2Poc=Pyc)6-44

- © В.О. Пелевин, 2014
- © Васильев А., иллюстрации, 2015
- © Галимджанова М., иллюстрации, 2015
- © Жданов В., иллюстрации, 2015
- © Ишков Д., иллюстрации, 2015
- © Дурасов А., иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-04-171942-5 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Вот так придумывал телегу я О том, как пишется элегия

Элегия 2

Мы скоро встретимся едва ль. За болью боль, За далью даль, За дыркой catcher in the rye ¹, За раем тоже рай.

За полднем вечер голубой, За боем буй, За геем гой. Проснись и пой, и бог с тобой Задрыгает ногой.

Товарищ, тырь. Товарищ, верь. За дурью дурь, За дверью дверь. Здесь и сейчас пройдет за час, Потом опять теперь.

Семь бед — один переворот. За кедом кед, За годом год, И только глупый не поймет, Что все наоборот.

¹ Ловец во ржи.

Виктор Пелевин

Милиционер, миллионер, За торой бор, За хором хер.

Премного разных трав и вер. Бутылка, например.

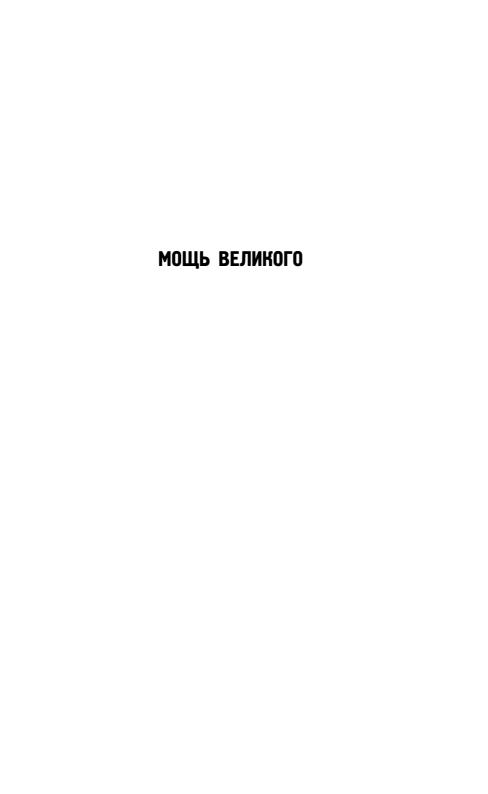
Катюшин муж объелся груш. За горем Гор, За Бушем Буш. Гомер, твой список мертвых душ На середине уж.

За приговором приговор, За морем мур, За муром вор, За каламбуром договор. Гламур, кумар, amor.

Мы испекаем каравай. За киром кар, За воем вай. Лжедмитрий был Первомамай, И я люблю свой край.

Вокруг качается ковыль. За далью даль, За былью быль, И небольшой автомобиль Вздымает в поле пыль.

Довольно быстрая езда, Закат, Вечерняя звезда, И незнакомые места. Все это неспроста.

Зигмунду Фрейду и Феликсу Дзержинскому

Числа

Окнов: Нет, пустите!.. Пустите! Пусти... Вот, что я хотел сделать! Стрючков и Мотыльков: Какой ужас!

Окнов: Ха-ха-ха! Мотыльков: А где же Козлов? Стрючков: Он уполз в кусты.

Даниил Хармс

I

Идея заключить с семеркой пакт созрела у Степы Михайлова тогда, когда он начинал понемногу читать и задумываться о различиях между полами. Первые формы этого альянса были примитивными. Степа рисовал семерки разного вида на разные случаи жизни. Например, большая и пустотелая, во всю страницу, защищала от тех ребят, которые были старше и сильнее. Четыре заостренные семерки, расположенные по углам листа, должны были остановить буйных соседей по палате, которые имели привычку подкрадываться во время тихого часа, чтобы ударить подушкой по голове или положить прямо перед носом какую-нибудь гадость. Однако несколько досадных происшествий, от которых семерки должны были защитить, показали, что этот метод не подходит.

Степа решил, что семерка в единственном числе обладает недостаточной силой, и принялся покрывать

крошечными синими уголками страницу за страницей, чувствуя себя завоевателем, набирающим армию для покорения мира. Но армия, как быстро выяснилось, не желала сражаться. Синяки, полученные Степой в летнем лагере после того, как семерками было исписано ровно семь тетрадей, показали это с полной убедительностью.

Бродя после уроков по тихим подмосковным рощам и полным сокровищ свалкам, Степа размышлял об этом, пока не понял, в чем дело. Почему-то он с самого начала решил, что семерка в курсе всех его планов. Казалось само собой разумеющимся, что она узнает о его мыслях в тот момент, когда они появляются у него в голове. А между тем сколько было в мире таких, как он! Степа догадался, что ему следует каким-то образом обратить на себя внимание семерки, сделать так, чтобы она узнала о союзе, который он хочет заключить, и выделила его из толпы.

На уроках в школе рассказывали, что в древние времена люди, которые хотели воззвать к богам, приносили им жертвы. Семерка, возможно, не была таким же богом, как Зевс или Аполлон, но явно обитала в надчеловеческом измерении. Поэтому забытая технология могла сработать.

Степа знал, что древним богам приносили в жертву быков, сжигая их на костре. Несколько недель он всерьез обдумывал ритуальный поджог одного из коровников в совхозе, который располагался неподалеку от их дачи. Были заготовлены бутылка с бензином и длинные полоски резины, которые предполагалось использовать в качестве бикфордова шнура. В последний момент Степа передумал. Все-таки это было слишком масштабным проектом.

Но бензин не пропал. Степа стянул из дома семь банок говяжьей тушенки — это были военного вида жестяные цилиндры с похожей на фотографию со старой могилы бычьей мордой в овале. Такое количество продукта потребовало большого костра, и он обжег руку, но в целом ритуал, который он провел в лесу неподалеку от дома, прошел гладко.

Вонь горелого мяса напомнила ему о чем-то таинственном и давно забытом (даже пришло в голову странное словосочетание — «гиена огненная»). Это переживание было слишком мимолетным для анализа — так, галлюцинация памяти, тень мысли о чем-то таком, чего с ним совершенно точно никогда не происходило. Тем не менее именно это странное полувоспоминание открыло ему глаза на его ошибку.

В чем был смысл жертвоприношения? Небу предлагалось то, чем оно наделяло, — жизнь, душа. А сероватая говядина из стратегических запасов СССР была просто упаковкой, оставшейся от давно развеянной жизненной силы — точно так же, как жестяные банки были упаковкой от сгоревшего мяса. Принести мертвую материю в жертву духу было все равно что подарить на день рождения пустую коробку от конфет. Доски старого забора, из которых он разложил костер, и то подходили лучше, потому что на них кое-где росла живая плесень.

Следующий шаг был прост и логичен. Степа свернул семь газетных листов в удобную длинную мухобойку и начал переправлять в иной мир мух, залетавших в кухню со двора. Чтобы их души доходили по нужному адресу, каждый раз после попадания Степа шепотом повторял непонятно как сложившийся в его голове стишок: «Семь осин и сосен семь, семь семерок насовсем». Было не до конца понятно, сколько именно мух следо-

вало отправить к семерке под эту считалку — то ли семь раз по семь, то ли семьдесят семь. Степа решил остановиться на втором варианте и уже подбирался к заветной цифре, когда внезапный удар судьбы сделал проект неактуальным.

Его нанесла книга, которую забыл на кухонном столе отец, даже не вся книга, а одна только фраза на развороте, куда Степа нечаянно опустил взгляд, — про некоего Штирлица, который так твердо верил в счастливое предназначение числа «семь», что, снабжая кого-то ложной информацией, старался, чтобы присутствовавшие в ней цифры давали в сумме семерку.

Степа понял, до какой степени он со своей мухобойкой неконкурентоспособен в мире, полном взрослых людей, разделяющих те же взгляды на чудесное. Их возможности были неизмеримо шире; некоторые могли отправить по магическому адресу много миллионов человек, не то что мух. Стоило ли надеяться, что семерка, окруженная сонмами могущественных почитателей, обратит внимание на него? Это было так же наивно, как рассчитывать, что слон, окруженный духовым оркестром, заметит жужжащего комара.

На долгое время Степа потерял веру в то, что из союза с цифрами можно что-нибудь извлечь. Даже сама мысль, что его можно заключить, стала представляться ему сомнительной.

Потребовалось несколько лет, чтобы рана в душе затянулась, и Степу посетили новые идеи относительно цифр и чисел.

Семерка была всеобщей избранницей. К ней обращались все — британские суперагенты, сказочные герои, города, стоящие на семи холмах, и даже ангельские иерархии, имевшие привязанность к седьмому небу. Семерка была избалованной и дорогой куртизанкой, и неудивительно, что скромные Степины ухаживания оставались без ответа. Но она была не единственной цифрой на свете.

Однако Степа, наученный печальным опытом, не спешил выбрать какую-то другую. Он догадывался, что, к какой цифре он ни повернись, в мире найдется много людей, сделавших тот же выбор. А чем больше у него будет конкурентов, тем меньше шанс, что выбранная цифра откликнется на его волхования или хотя бы догадается о его существовании. С другой стороны, логика подсказывала, что двузначные и трехзначные числа не так избалованы вниманием.

Степа интуитивно чувствовал, что цифры от единицы до девятки были могущественнее двузначных чисел, а двузначные — сильнее трехзначных, и так далее. Но ему запали в душу слова Цезаря, услышанные на уроке истории, — «лучше быть первым в галльской деревушке, чем последним в Риме» (учительница оговорилась, сказав «лучше быть первым в Риме, чем последним в галльской деревушке», но Степа понял, что это ошибка, потому что для Цезаря это звучало бы слишком самодовольно). И он принялся подбирать галльскую деревушку поспокойнее.

После долгих размышлений он остановил выбор на числе «34». В сумме четверка и тройка давали ту же самую семерку. Это наделяло число «34» подобием небесной генеалогии, как у греческих героев, возводивших свою родословную к богам. Степа не предавал свое изначальное божество, он находил более рациональный способ воззвать к нему. Кроме того, как и семерка, тройка с четверкой были особенными цифрами — они имели цвета. Степа помнил, что раньше, когда он был совсем маленьким, цвета были у всех цифр. Потом они стерлись,

только у четверки остался хорошо различимый зеленый, у семерки — синий, и у тройки — слабые следы оранжевой краски на центральном выступе.

Было много других соображений, которые Степа принял во внимание, — например, «тридцатьчетверка» была лучшим русским танком Второй мировой, и, значит, число «34» несло на себе отраженный свет удачи и победы. Выбор, который он сделал, вызревал в его уме так долго, что было даже не до конца ясно, он ли выбрал число «34» или оно его.

Он был уже большой мальчик — школа близилась к концу, и под носом у него темнели пробивающиеся усы, похожие на два минуса, которые, как он надеялся, должны были со временем дать обещанный математикой плюс. Теперь он стал осмотрительнее. Обзаведясь новым патроном в мире чисел, он не стал повторять своего жестокого мухоприношения. Числу «34» были ни к чему мертвые мухи и даже мертвые люди, он понимал это ясно. Следовало идти другим путем — не совершать невнятные магические ритуалы, а пропитать этим числом всю жизнь, слиться с ним, доказав свою преданность ежедневным усердием.

Степа начал с того, что стал вставать не в шесть тридцать, как раньше, а в шесть тридцать четыре. Так же сдвинулись все остальные точки его расписания, которые зависели от него. Назначая встречу на половину шестого, он приходил на четыре минуты позже, специально задерживаясь в вестибюле метро, чтобы дать стрелке переползти на несколько делений вперед. Когда рациональная часть ума начинала нашептывать, что его поведение глупо, для нее был наготове рациональный ответ.

Все вокруг меняется каждый миг, и в каждый момент мир представляет собой сумму иных обстоятельств, чем

секундой до или после. Люди, с которыми мы имеем дело, тоже постоянно меняются и ведут себя по-разному в зависимости от того, какие именно мысли попадают в моментальное сечение их умов. Поэтому, выбирая временную и пространственную точку своей встречи с миром, мы занимаемся совершенно реальной магией, может быть, даже единственно возможной магией, потому что каждый раз мы решаем, в какой именно мир нам вступить. В одном нас ждет падающий из окна горшок с бегонией или несущийся из-за угла грузовик, в другом — благосклонная улыбка Незнакомки или толстый кошелек на краю тротуара, и все на одних и тех же улицах... Эти слова Степа нашел много позже, уже тогда, когда научился превращать числа в деньги, но сама мысль, на которую они указывали, в неоформленном виде была знакома ему со школы.

Засыпая, он считал не до ста, а до тридцати четырех потом опять до тридцати четырех, и так далее. Выбирая в кафе, за какой из столиков сесть, он начинал считать их по кругу, по нескольку раз каждый, пока не добирался до тридцати четырех. Перед тем как нырнуть в море с пирса, он делал тридцать четыре быстрых вдоха. Каждый раз, когда надо было принять решение, он тем или иным способом привязывал его к священному числу. Это давало ему чувство, что он идет по уникальному маршруту, отличному от других человеческих жизней. И, хоть внешне его судьба ничем не отличалась от судеб сверстников, маршрут действительно был необычен. Когда Степа прошел по нему достаточно далеко, он стал получать подтверждения одно за другим. Или, может быть, научился их узнавать.

Однажды в летнее воскресенье он сидел дома и рассеянно глядел в окно. Вдруг с улицы понеслись тяжелые

удары — на стройке заработала машина, забивающая в грунт металлические сваи. Степа непроизвольно начал считать их. Ударов оказалось ровно тридцать четыре, потом машина остановилась и больше о себе не напоминала. В этом, возможно, не было бы ничего особенного, если бы за секунду до первого удара он не подумал, что так и не знает, удалось ли ему достучаться до сердца своего божества. Кроме того, это произошло в выходной, когда на стройках никто не работает, — последнее обстоятельство окончательно убедило Степу, что случившееся было знаком.

В другой раз, когда его посетили сомнения, он, повинуясь импульсу, включил телевизор. На экране появились титры польского фильма «Три танкиста и собака» — что означало, как он сразу догадался, «34» — три (танкиста) и три плюс один (полный экипаж). Если в таком подходе и была небольшая натяжка, ее можно было извинить, вспомнив, что танк, на котором ездили собаколюбивые поляки, назывался «Т-34».

17

Рано с утра в свой семнадцатый день рождения — особенный, потому что семнадцать на два давало тридцать четыре, — он решил устроить окончательный экзамен себе и избранному числу. Он загадал, что этот союз приведет его к цели (правда, что это за цель, он пока не знал), если в номере билета, который он купит в кинотеатре, окажутся цифры «3» и «4». Чтобы придать событию достаточную протяженность во времени, Степа выбрал кинотеатр на другом конце Москвы. Часовая поездка на метро стала подобием восхождения к горному храму,

во время которого от человека отлипают накопленные в миру грехи.

Билет был куплен ровно за тридцать четыре минуты до начала фильма. Степа вышел на улицу и, глубоко вздохнув, заглянул в него, словно игрок, открывающий карту, от которой зависит вся партия.

В шестизначном номере не оказалось ни троек, ни четверок. Номер ряда был одиннадцать. Номер места — пятнадцать. Степа почувствовал, как мир, который он столько лет создавал по кусочкам, разваливается на части. Экзамен был провален.

Купив в ближайшем магазине бутылку портвейна, он выдул ее из горлышка в подъезде, покурил немного у заплеванного окна и пошел по купленному билету в кино — делать все равно было нечего. Усевшись на свое место, он опустил взгляд на спинку кресла впереди и почувствовал, как зал начинает крениться набок. Но дело было не в выпитом.

Перед ним чернела жирная надпись несмываемым маркером: «САН-34». Что такое «САН», он не знал — может быть, группа в каком-нибудь учебном заведении или что-нибудь в этом роде. Зато он хорошо знал, что такое «34». Степа провел по надписи пальцем. Дерматин обивки был прохладным и шероховатым. Он несколько раз моргнул, проверяя, не обманывает ли его зрение. Потом он заверещал на весь зал, и от неприятностей его спасло только начавшееся затмение перед сеансом.

После этого случая стало окончательно ясно, что пакт, о котором он мечтал с детства, заключен. Приятной новостью было и то, что у числа «34» появились союзники — «17» и «68». Степа не назначал их на эту роль — все произошло само собой. Просто в какой-то момент он понял, что эти два числа служат тридцати четырем, явля-

ясь вестниками — еще не самим солнцем, а обещанием света, сиянием на кромке расступающихся облаков.

Поняв, что услышан, Степа не только обрадовался, но и испугался. Было не очень понятно, кем именно он услышан. Иногда ему становилось жутко — он понимал, что втянулся в странную игру, выйти из которой будет непросто.

Такие попытки были. Однажды, совершая посвященный числу «34» ритуал, он отсидел в темном деревенском погребе тридцать четыре часа и натерпелся серьезного страха. Были даже галлюцинации, на редкость малоинтересные, - простоволосая баба в юбке из мешковины начинала переставлять горшки в углу каждый раз, когда он о чем-то задумывался и забывал, что никаких горшков и бабы там нет. После этого опыта он решил, что сходит с ума, и дал себе слово больше не заниматься ерундой. Но сделать что-нибудь с психическим зарядом, который он по капле влил в любимое число, было нельзя. Теперь эта энергия существовала независимо от него, или, во всяком случае, так казалось. Можно было сколько угодно убеждать себя, что «34» — такое же число, как и все остальные, и клясться, что детские игры остались позади, но глубин души это не затрагивало. Стоило ему увидеть тройку рядом с четверкой, как дрожание центрального нерва личности показывало, что его договор с числами остается в силе — и будет теперь в силе всегда.

43

Из круглолицего мальчика Степа превратился в такого же круглолицего молодого человека, словно все возрастные трансформации свелись к тому, что его накачали насосом и подкрутили вверх усы. Если бы в Степином

окружении нашелся человек, знающий о его тайне, он, наверно, увидал бы в чертах его лица связь с числом «34». У Степы был прямой, как спинка четверки, нос — такие в эпоху классического образования называли греческими. Его округлые и чуть выпирающие щеки напоминали о двух выступах тройки, и что-то от той же тройки было в небольших черных усиках, естественным образом завивающихся вверх. Он был симпатичен и напоминал чем-то покемона Пикачу, только взрослого и пуганого.

Несмотря на некоторую полноту, Степа нравился женщинам. Мужчинам он нравился тоже — но по другой причине: он производил впечатление божьего одуванчика, которого можно не принимать всерьез. За такой поверхностный вывод поплатились многие недотепы брутального вида. Степа не был коварен. Но в обиду себя не давал.

Выбор профессии оказался для Степы прост — он поступил в финансовый институт. Страсти к бухгалтерскому делу у него не было, но информация об этом учебном заведении оказалась на тридцать четвертой странице пособия для поступающих в вузы.

Наблюдая за товарищами по учебе, он начал замечать, что многие из них, как и он, придают значение числам. Но они не брали на себя ответственности за то, какие именно числа управляют их жизнями, и походили на стадо баранов. Они склонялись перед избалованной семеркой и уважительно относились к троице за то, что ее «бог любит», хотя могли при этом не верить в бога. Кроме того, все боялись числа «13». Для этого страха был даже специальный греческий термин — «triskaidekaphobia». Это дикое слово было производным от греческого «тринадцать», но Степа слышал в нем что-

то вроде иррационального страха отравиться треской в буфете Дома культуры.

Постепенно Степа перестал считать себя ненормальным. Особенно в этом помог фрагмент из романа Толстого «Воскресенье», который он прочел летом на даче, когда под рукой не оказалось ничего интереснее. Один из героев, член суда, проделывал операцию, которая показалась Степе настолько значительной, что он скопировал в тетрадь по военной подготовке посвященный ей абзап:

«Теперь, когда он входил на возвышение, он имел сосредоточенный вид, потому что у него была привычка загадывать всеми возможными средствами на вопросы, которые он задавал себе. Теперь он загадал, что если число шагов до кресла от двери кабинета будет делиться на три без остатка, то новый режим вылечит его от катара, если же не будет делиться, то нет. Шагов было двадцать шесть, но он сделал маленький шажок и ровно на двадцать седьмом подошел к креслу».

Степа понимал, что вряд ли какой-то юрист взял и рассказал мятежному графу о своей привычке за рюмкой шартреза. Скорее всего, Толстой наделил героя одной из собственных тайных черт. А раз сам Толстой грешил чем-то подобным, волноваться за свой рассудок не стоило.

Когда сомнения отпали, Степина жизнь стала проще. Число «34» с железной необходимостью диктовало ему все существенные поступки. Но это не значило, что Степа с утра до вечера занимался только тем, что искал, как бы втиснуть эти цифры в реальность. Пустяковые каждодневные дела могли находиться в нейтральной зоне — там, где большинство людей проводило все свои жизни. Но если решение, которое Степа собирался при-

нять, могло иметь серьезные последствия, он обращался к своему невидимому союзнику.

Практически в любом событии или процессе можно было выделить область, которая находилась под согревающими лучами заветного числа. Можно было сесть на тридцать четвертое место в поезде, увозившем в новый город, отжаться тридцать четыре раза во время зарядки или выпить чай за тридцать четыре глотка. Проще всего было сосчитать про себя до тридцати четырех. По этой причине, кстати, Степа слыл человеком с железным самообладанием, который никогда не срывается и не ввязывается в склоки — даже тогда, когда не выдерживали самые непробиваемые, те, кто следовал правилу «сосчитать до десяти» перед тем, как ответить грубостью на грубость или заехать обидчику кулаком в рожу. У его выдержки было математическое объяснение: 34 > 10.

Однако не все в жизни было гладко. Постепенно на горизонте возникла туча, которая с каждым днем закрывала все большую часть некогда безоблачного простора. И пришла она из того же измерения, откуда перед этим появилось число «34».

Дело было в том, что из тех же цифр — тройки и четверки — можно было составить еще одно число, «43». Но если «34» вмещало в себя все лучшее, что было в Степиной жизни, то «43» было его антиподом, эдаким портретом Дориана Грея. Это сравнение казалось Степе уместным, потому что Дориан Грей и «43» находились в отдаленном родстве — «D» была четвертой буквой латинского алфавита, а согласных в слове «Дориан» было три. Степа сознательно выбрал «34» в качестве своего ангела-хранителя. А «43» влезло в его жизнь без спроса, совершенно не интересуясь, хочет он этого или нет.

Мало-помалу Степа стал замечать неприятные вещи, связанные с этим числом. То, что цифры стояли в нем в обратном порядке, делало его как бы противоречащим мировой гармонии — или, во всяком случае, той части мировой гармонии, которая работала на Степу. У этого было историческое доказательство — в тысяча девятьсот сорок третьем году произошла одна из решающих битв великой войны, Курское танковое сражение, — и число «43» было до сих пор заряжено жутковатым эхом той даты. Во время этой битвы было уничтожено огромное количество «тридцатьчетверок». Число «43», несомненно, символизировало гибель всего того, что сулило Степе удачу и свет.

Степа стал обращать внимание на то, при каких обстоятельствах «43» появляется в его жизни. Этому всегда сопутствовало что-нибудь малоприятное. Встретив это число, Степа заранее настраивался на неудачу, а четвертого марта с самого утра помнил, что в этот день его ждут одни беды.

Могло ли быть так, что он подсознательно устраивал эти беды сам? Такая возможность приходила ему в голову. Все можно было объяснить простым самовнушением. Только это объяснение на самом деле не объясняло ничего. Человеческое существование, говорил один Степин знакомый, и есть не что иное, как сеанс самогипноза с принудительным выводом из транса. Слово «самовнушение» звучало научно, но Степа не изучал свою жизнь, а жил ее. Как бы это ни называли другие, радость, наполнявшая его душу, когда судьба посылала ему тройку с четверкой в нужном порядке, была для него совершенно реальна. Но за это приходилось платить такой же реальной тоской, которая сжимала его сердце, когда порядок цифр оказывался обратным.

Сильнее всего пугало даже не то, что в его жизни без спроса появилось число «43», вокруг которого концентрировалось зло. Он догадывался, что свет и тень нераздельны. Проблема была в другом. Иногда трудно было понять, с чем он имеет дело — с сорока тремя или с тридцатью четырьмя. Например, глядя на фотографию «Титаника», он сразу замечал четыре трубы и три промежутка между ними. Это было «43», что не требовало никаких доказательств. А если доказательства были бы нужны, судьба этого корабля говорила сама за себя.

С другой стороны, вилка, которой он каждое утро цеплял залитый яйцом бекон, тоже имела четыре зубца и три промежутка между ними. Но он с давних пор видел в этой комбинации число «34», заряжавшее позитивной энергией каждый кусок, который отправлялся ему в рот. В таких случаях искать рациональное объяснение было бесполезно.

Впрочем, логике и здравому смыслу все равно находилось место в жизни. Но в действие они вступали не тогда, когда надо было принять решение, а тогда, когда оно было уже принято. И нужны они были только для того, чтобы подобрать этому решению убедительное обоснование.

Ладонь с поджатым большим пальцем означала «43», когда он смотрел на нее с внутренней стороны. А с внешней она означала «34». Степа видел это безо всякой логики. Но он не знал, почему это так. И тут приходил на помощь разум. Он говорил, например, следующее: ноготь чем-то похож на стекло мотоциклетной каски или забрало космического шлема. Поэтому, подавая хороший знак, ладонь как бы поворачивается к нему лицом. А когда она отворачивается, да еще становится виден скрюченный, словно побежденный большой палец, это

дурное знамение — «43». Но Степа не сомневался, что, если бы подсознание расставило числа наоборот, логика и здравый смысл тоже что-нибудь придумали бы. Поэтому он относился к ним с добродушной иронией, как к информационным проституткам из телевизора, и не принимал их всерьез. Возможно, именно по этой причине он добился успеха в бизнесе, где рациональность решает все только на взгляд дилетанта.

34

Степин бизнес начался обыкновенно — с торговли компьютерами в позднюю горбачевскую эру. Любимому числу было где разгуляться на этом просторе, и нелюбимому тоже. Договоры, в порядковых номерах которых выскакивало «43», Степа брал под особый контроль, а если это число повторялось дважды, он вообще отказывался подписывать такую бумагу под любым, самым смехотворным предлогом — что бы ни орали партнеры и заказчики. Разбивая компьютеры на партии, Степа старался, чтобы их было именно 34 («Такая поставка, объяснял он клиенту, заказавшему сотню «экстишек», завтра столько же, а послезавтра остаток»). Если партии были совсем мелкими, то он старался распределить их так, чтобы в первый день ушло три машины, а на следующий — четыре. Потом он брал паузу, чтобы случайно не получилось число «43». Таких технологий у него было много.

Поскольку весь вырабатываемый душой страх тратился у него на отношения с числами, бандитов Степа почти не боялся. Его пугала мысль, что в него могут выстрелить из «кольта» сорок третьего калибра, но такая вероятность была мала. Бывало, что очередное появление

братков каким-то образом совпадало с манифестацией ненавистного числа, и тогда Степа вел себя как обычный трусливый коммерсант. Но бандиты, ошибочно принявшие это на свой счет, могли поплатиться.

Один раз на Степин бизнес наехали гастролировавшие в Москве чеченцы — некие «урус-мартанские». Проанализировав по укурке это слово, Степа путем замысловатых вычислений, связанных с номерами букв в алфавите и порядком букв в слове, нашел в нем дважды повторяющееся число «43» и согласился на все их требования. Но, повторив расчеты с утра на ясную голову, он понял, что ошибся. Проверив себя еще два раза, Степа позвонил своей «крыше», тоже чеченской, — двум братьям с библейскими именами Иса и Муса. Когда урусмартанские приехали за деньгами, состоялся короткий геральдический диалог, прямо в ходе которого Иса и Муса расстреляли гостей надпиленными крестом пулями из своих «стечкиных». Урус-мартанские принадлежали к враждебному тейпу.

Кресты на пулях не имели никакого отношения к христианству — такая пуля, попадая в тело, не прошивала его насквозь, а распускалась косматой свинцовой розой и отшвыривала собеседника назад, не оставляя ему тех нескольких секунд дееспособности, которые часто портят все на свете. В результате о Степе пошла слава как о расчетливом и жестоком человеке с железной хваткой, который не просто может устроить обидчику встречу с Аллахом, но способен даже стравить чеченов друг с другом.

Эта слава оказалась кстати, когда Степа стал расширять свой бизнес. Числиться негодяем и убийцей было полезно. Это защищало от человеческой подлости: души повышенной конкурентоспособности узнавали демона

старше рангом и уходили восвояси — кидать об колено тех, в ком угадывались хоть какие-то черты Спасителя. Степа по натуре был добрым человеком, склонным прощать обидчиков и помогать тем, кто попал в беду, но изза истории с урус-мартанскими это удалось скрыть от общества.

Вскоре выяснилось, что его давнее решение поступить в финансовый институт было мудрым выбором. Пригодились не полученные знания о природе социалистических финансов (от них ничего не осталось в голове), а знакомства: бывший профорг курса помог Степе зарегистрировать собственный банк. Оказалось, что многих ключевых людей он знает еще с тех времен, когда бизнес назывался комсомолом. По-настоящему сложным было только одно — придумать банку название.

Над этим вопросом он ломал голову долго. Скомканные листы бумаги, исписанные отвергнутыми вариантами («Воробьевы горы», «Волшебник Гудвин», «Великий Гермес»), заполнили сначала корзину для мусора, а потом все углы рабочего кабинета. Сотрудникам было запрещено соединять со звонящими, пока длятся муки творчества, и они уже начинали беспокоиться о состоянии шефа, когда решение нашлось.

Оно было парадоксальным. Степа вспомнил надпись на спинке кресла, увиденную в кинотеатре в день семнадцатилетия — «САН-34». В слоге «САН» не было ничего общего с «34». С другой стороны, трудно было найти слово, до такой степени родственное главному числу Степиной судьбы. Но понять этого не смог бы даже самый проницательный недоброжелатель, и тайна оставалась тайной. Так родился «Санбанк».

Под название подобралось и поле деятельности. Естественным образом им оказались проекты, связанные

с санитарией и городской канализацией. Над Степой посмеивались друзья и знакомые из банков, названия которых напоминали об оазисах в знойных пустынях или тропических орхидеях, питающихся жуками и мухами. Но Степа не обижался — от романтических имен, которыми его однокурсники награждали свои детища, за версту тянуло статьей и пулей. Было ясно, что долго они существовать не будут. А вот «Санбанк» был чем-то настолько унылым и никому не нужным — а значит, никому и не мешающим, — что это название («несколько пованивающее имя», как выразился один эстетствующий таблоид) оказалось отличным камуфляжем. Многие сразу оценили, насколько спокойнее проводить серьезные операции через контору, которая ассоциируется с санитарным делом, чем иметь дело с каким-нибудь «Гламур-банком» или «Бони-банком». Меньше гламура, зато меньше головной бони.

Его бизнес рос и расцветал, словно гадкий утенок из сказки Андерсена, который незаметно превращался в лебедя. Этому помогла элементарная имиджевая операция — незадолго до кризиса девяносто восьмого года Степа перевел имя банка на английский как «Sun Bank». Когда эти слова засверкали рядом с русским названием на всех документах, стало казаться, что банк с самого начала имел отношение не столько к отечественной санитарии, сколько к англоязычному солнцу свободного мира, и «Санбанк» — просто русская транскрипция его настоящего имени. Не имея на это никаких прав, Степино детище стало восприниматься как ответвление сразу всех западных корпораций, в название которых входит слово «Sun». Степа сознательно сыграл на этом, содрав эмблему банка с логотипа «Sun Microsystems». Получилось похоже, только на месте стилизованных букв «s», «и» и «п» стояли цифры «3» и «4», настолько измененные художником, что непосвященный наблюдатель видел в них геометрический узор. Тех, кто помнил, с чего начиналось Степино дело, оставалось вокруг все меньше и меньше — да Степа и не особо за них держался.

Бизнес он вел так же, как во время торговли компьютерами. Разница была в том, что вместо коробок с надписью «fragile» теперь отгружались и загружались огромные суммы денег, и происходило это не в области видимых и ощутимых предметов, а в смутном измерении электромагнитных зарядов и электрических цепей, про которое Степа мало что понимал.

Всеми его решениями управляли два числа — «34» и «43»; первое включало зеленый свет, а второе — красный. Несмотря на это, дела у него шли лучше, чем у большинства конкурентов. Другие объясняли это его парадоксальной интуицией; сам же Степа знал, что все дело в животворном влиянии тридцати четырех. Впрочем, иногда, особо темной и длинной зимней ночью, в нем просыпался рационалист, и он принимался соображать, как такое может быть — люди с целым штатом консультантов, референтов, аналитиков и астрологов принимают взвешенные решения и проигрывают, а он, случается, отвергает верный выигрыш только из-за того, что где-то рядом с ним мелькает «43», или, наоборот, кидается в омут, откуда ему подмигнуло «34», и снимает банк (не всегда, конечно, но чаще, чем те, кто руководствовался здравым смыслом). Постепенно в его голове забрезжил ответ.

Эпоха и жизнь были настолько абсурдны в своих глубинах, а экономика и бизнес до такой степени зависели

 $^{^1}$ Хрупкий груз.

от черт знает чего, что любой человек, принимавший решения на основе трезвого анализа, делался похож на дурня, пытающегося кататься на коньках во время пятибалльного шторма. Мало того, что у несчастного не оказывалось под ногами ожидаемой опоры, сами инструменты, с помощью которых он собирался перегнать остальных, становились гирями, тянувшими его ко дну. Вместе с тем, повсюду были развешены правила катания на льду, играла оптимистическая музыка, и детей в школах готовили к жизни, обучая делать прыжки с тройным оборотом.

Степа же следовал закону, о котором мир не имел никакого понятия. От броуновских частиц, которые метались в поисках наикратчайшего пути и в результате проводили свой век, вращаясь в бессмысленных водоворотах, он отличался тем, что траектория его жизни не зависела от калькуляций ума. Он был как разумный человек среди диких зверей, которых гнал куда-то инстинкт. При этом дикими зверями остальных делало как раз стремление поступать как можно обдуманней, а его в разумного человека превращало то, что вместо путаных указаний рассудка он раз за разом подчинялся одному и тому же иррациональному правилу, о котором не знал никто вокруг. Это была самая настоящая магия, и она была сильнее всех построений интеллекта.

34

Степе исполнилось тридцать четыре года в разгар ельцинской эпохи. Степа понимал, что это центральный год его жизни — он был молод, полон сил, банк крутил такие деньги, что иногда становилось страшно оставаться одному в темноте, но главным было не это. Он и чи-

сло «34» на триста шестьдесят дней слились в одно целое. Степа чувствовал, что стал сакральным существом, чем-то вроде римской весталки или понтифика, и невидимое присутствие божества будет осенять каждый его шаг весь срок. Надо было использовать это время с умом, и Степа старался.

Дела шли хорошо. Он заработал много денег и спрятал часть за границей — не потому, что чего-то боялся, а потому, что так делали все. Но ему жалко было тратить этот необычный год только на материальные приобретения. Древние авгуры предсказывали будущее, наблюдая за полетом птиц с возвышенных мест. Так же и он хотел увидеть все главное про свою жизнь с вершины, на которой оказался. Степа чувствовал, что надо обратиться к какому-нибудь духовному авторитету, посреднику между хаосом жизни и вечным порядком небес. Но к кому?

Отношение Степы к религии определили впечатавшиеся в память буквы «ХЗ», которые он ребенком увидел в церкви во время Пасхи (на церковной стене должно было гореть «ХВ», но одна стойка ламп не работала). Дело, однако, было не в сходстве этого сокращения с эмблемой воинствующего агностицизма. Все было куда серьезней. Число «43» проступало сквозь четыре конца буквы «Х» и тройку «З» (а если даже и воскрес, «В» все равно было третьей буквой алфавита).

С такими рекомендациями библейский бог не имел в Степиной душе никаких шансов. После юношеского чтения Библии у него сложился образ мстительного и жестокого самодура, которому милее всего запах горелого мяса, и недоверие естественным образом распространилось на всех, кто заявлял о своем родстве с этим местечковым гоблином. К официальной церкви Степа

относился не лучше, полагая, что единственный способ, которым она приближает человека ко Всевышнему, — это торговля сигаретами.

Но это не значило, что он был вульгарным атеистом, признающим только силу денег. Он понимал, что число «34» — приоткрытая дверь, сквозь которую он общается с той же силой, которая доступна другим людям через бесконечное многообразие форм, в том числе и тех, которые пугали его своим кажущимся уродством. Но на рынке религий не было продукта, который мог бы утолить его тоску по чудесному лучше, чем общение с числами.

Во всем, что выходило за пределы его тайного завета, Степа, как и большинство обеспеченных россиян, был шаманистом-эклектиком: верил в целительную силу визитов к Сай-Бабе, собирал тибетские амулеты и африканские обереги и пользовался услугами бурятских экстрасенсов. Поэтому, когда он ощутил потребность в духовном напутствии, он отправился к болгарской прорицательнице Бинге, которая считалась в то лето в Москве хитом сезона. Говорили, что Бинга видит чужое будущее так же ясно, как обычный человек свое прошлое.

Бинга оказалась полной женщиной, одетой в ворох пестрых тряпок. В комнате, где она принимала посетителей, пахло травами, пучки которых сушились на нитке под потолком. По углам стояли обломок античной колонны, почерневшая прялка, ламповый приемник «Siemens» и древняя закопченная лавка. На стене висела книжная полка с подшивками журнала «National Geographic», портрет Елены Блаватской и плакат художника Мухи, изображавший загадочную красавицу в стиле модерн на фоне раскрывшего крылья орла.

Степу разочаровало увиденное. Этнографические экспонаты отдавали какой-то дешевой декорацией. Бинга

брала за свои услуги столько денег, что было понятно — ей не надо ни прясть, ни сушить травку на нитке. Ее дом окружала целая бизнес-деревня с офисом, несколькими кафетериями, гостиницей и даже магазинчиком сувениров. Но в этом, возможно, и была проблема: на Бингу мог работать персональный дизайнер, который и натаскал в комнату уродливую рухлядь.

Эти мысли пронеслись у него в голове за одну секунду, а в следующую Бинга улыбнулась, показала на стул напротив своего кресла и сказала на чистейшем русском:

- Верно, милый. Все зло на свете от них.
- Степа сел.
- Вы говорите по-русски? спросил он.
- А то, сказала Бинга и взяла в руки картонный калейдоскоп дешевого вида. Я кончала Харьковский педагогический. Правда, давно. Подозреваю, что с тех пор педагогическая наука ушла далеко вперед.

Степа помнил, сколько стоит каждое слово, и не стал задавать вежливых вопросов про Харьковский педагогический. Бинга подняла калейдоскоп и уставилась сквозь него на Степу, словно это была подзорная труба. Поворачивая его под разными углами, она наклонилась вперед, словно увидала что-то интересное. Постучав толстым пальцем по стенке картонного цилиндра, она наморщилась, а потом захохотала — так громко, что входная дверь открылась, и в комнату заглянул испуганный секретарь. Степа ничего не сказал — перед сеансом его проинструктировали не задавать никаких вопросов, пока Бинга смотрит.

Отсмеявшись, Бинга минуты три-четыре молча глядела в калейдоскоп, иногда чуть встряхивая и поворачивая его. $-\Phi y!$ — сказала она не то с осуждением, не то с недоверием. — $\Phi y!$

Степа покраснел, но промолчал. Бинга отложила картонную трубку в сторону.

У тебя в жизни есть два главных числа, — сказала она.
Лунное и солнечное.

Степа ничего не ответил, только плотнее прижался к спинке стула.

- Тебе солнечное число лет, сказала Бинга, поэтому ты думаешь, что это особенный год в твоей жизни. Но это на самом деле будет довольно обычный год. Ничего не случится. И следующие годы твоей жизни будут спокойными и счастливыми, примерно как этот. Но вот когда приблизится твой лунный год, вот тогда...
- Что? дернувшись, спросил Степа. Будет что-то страшное?
- Один день, сказала Бинга. Какой-то один день. Но это будет такой день, что из-за него изменится вся твоя жизнь. Я не все разбираю может быть, ты победишь. Может быть, наоборот, погибнешь. Может быть, и то и другое. Все будет зависеть от того, сумеешь ли ты помочь своему числу стать сильнее.
- А как я могу помочь своему числу стать сильнее? спросил Степа.
- Я не знаю, ответила Бинга. Это же твое число, а не мое. Многое из того, что я вижу, от меня скрыто.
- Это как? спросил Степа. Как можно видеть то, что от тебя скрыто?
- Я вижу цветные мозаики, которые превращаются в рассказ о чужой судьбе, ответила Бинга. Но это просто картины, которые становятся словами. Я могу повторить эти слова, но не всегда сама понимаю их смысл.

- Может быть, их пойму я? спросил Степа. Что там такое?
- Я вижу твое будущее в трех цветах. Но все три цвета говорят разное. Когда я смотрю на синие стекла, я вижу библейскую историю. Ты возьмешь в руку копье судьбы, постигнешь число зверя, вступишь с этим зверем в бой и пронзишь его. Но зверь тоже попытается нанести тебе удар. Кто победит, я не вижу словно вы оба срываетесь в бездну и исчезаете...

Степа вспомнил, что картинка на экране телевизора складывается из трех цветов — синего, зеленого и красного. Наверно, ясновидение Бинги было основано на похожем принципе.

- A что говорит зеленый? спросил он.
- Зеленый говорит куда яснее, ответила Бинга. Зеленый говорит, что у тебя есть лунный брат, которого ты встретишь, и этот лунный брат и есть зверь.
- Лунный брат? спросил Степа, завороженный странной красотой этого сочетания.
- Ты человек солнечного числа. Твой лунный брат человек лунного числа.
  - Значит, лунное число и есть число зверя?
- Не знаю, сказала Бинга. Странно. Синий говорит, что это так. А зеленый говорит, что это библейское число зверя, 666, которое у твоего лунного брата на руке. Во всяком случае, две цифры из трех я вижу ясно.
  - A что говорит красный цвет?
- То, что говорит красный цвет, настолько неприлично, что я не могу рассказать про это вслух, не оскорбив помогающих мне ангелов. Но это не только неприлично, это еще и смешно.
  - А можно хотя бы как-нибудь иносказательно?

— Можно, — сказала Бинга, надула щеки, сделала круглые глаза и с пронзительным звуком выпустила воздух из щелочки между сжатых губ.

Открылась дверь, и в комнату опять заглянул секретарь. Убедившись, что все живы, он жестом показал Степе, что ему пора.

- Последний вопрос, сказал Степа, вставая, могу я верить своему числу?
- Да, сказала Бинга. Но тебе надо не только верить, а еще и служить ему. Тебе надо ухаживать за ним, словно это роза, которая растет в пустыне. Особенно важно это станет, когда приблизится лунный год. Если в это тяжелое время ты сумеешь сделать так, что солнечное число станет сильнее лунного, ты победишь. Но ты обязательно должен успеть до своего дня рождения.

Степа пошел к двери.

- И еще, окликнула его Бинга. Солнечное число может быть любым. И лунное тоже. Дело не в числах, а совсем в другом.
  - В чем? спросил Степа.

Бинга пожала плечами.

— Если ты сам не видишь прямо сейчас, — сказала она, — кто и когда тебе объяснит?

34

Через несколько лет после Степиного визита к Бинге в стране начался процесс, который западные социологи называют парадигматическим сдвигом. Как и все эпохальные перемены, он проходил незаметно, словно бы в каком-то другом измерении, и люди узнали о нем постепенно, по множеству мелких черт, каждая из которых сама по себе могла ничего не значить.

Первым человеком, который внятно сформулировал для Степы то, что уже давно витало в воздухе, стала Мюс, филолог из Лондона, которая кормилась на его англофилии, подрабатывая в банке референтом-переводчиком.

Мюс была очаровательной молодой женщиной, до изумления похожей на кошечку. У нее были большие, как у страха, глаза и удивительная прическа, которая состояла из короткой стрижки и шести «антенн» — пучков волос, слепленных сильнейшим гелем в длинные параллельные иглы, парами торчавшие из ее головы вверх и в обе стороны (она даже вплетала в эти стрелки проволоку — они были слишком тонкими и длинными для одного геля). Эти покачивающиеся антенны так напоминали Степе кошачьи усы, что ему все время казалось — Мюс вот-вот мяукнет.

Кроме работы в банке, она стажировалась при университете, проедая остатки гранта, выделенного какойто аналитической структурой на изучение современного городского фольклора (как говорила сама Мюс, такие проекты оплачивали исключительно для того, чтобы не сокращалось бюджетное финансирование разведдеятельности по России).

Мюс великолепно знала русский язык, который достался ей по наследству от эмигрантки-бабушки, но русской себя не считала. То, как она разбиралась в своей теме, наполняло Степу глубоким уважением к ее интеллекту и филологическим способностям. Он сумел помочь ей с городским фольклором только раз, сообщив чеченскую поговорку «В один пуля нет вони», которую часто слышал от Исы с Мусой. Мюс записала ее на специальную серо-коричневую перфорированную карточку, но сказала, что это, вероятнее всего, версия пословицы «Один в поле не воин», которую чеченская народная

душа заимствовала у русской в те времена, когда они были мирными соседями по нарам. Словом, Мюс была умницей и настоящим профессионалом. Поэтому Степа не комплексовал, когда она объясняла ему вещи, которые, по идее, должен был объяснять ей он.

Однажды за обедом в «Гараже» (они сидели в прозрачном выступе на улицу, откуда открывался вид на казино «Шангри-Ла» и редакцию «Известий») Мюс коснулась его самого больного нерва.

- Все существенные социальные перемены, сказала она, — очень быстро отражаются в фольклоре. То, что происходит сейчас в России, затрагивает один глубинный, можно сказать, архетипический пласт. Я не очень сложно выражаюсь?
- Ничего, разберусь, отвечал Степа, подхватывая вилкой колобок риса с полоской сырой туны (он ел суши только вилкой).
- Эта тема, продолжала Мюс, столкновение двух исконных начал русской души. Одно из них — доброе, лоховатое, глуповатое, даже придурковатое, словом, юродивое. Другое начало — наоборот, могучее, яростное и безжалостно-непобедимое. Сливаясь в символическом браке, они взаимно оплодотворяют друг друга и придают русской душе ее неиссякаемую силу и глубину.

Степа промокнул салфеткой губы и покосился на аккуратную грудку собеседницы.

- Допустим, сказал он. А при чем тут перемены? Вот тут и начинается самое интересное, ответила Мюс. — Лоховатое начало в русском городском фольклоре много лет было представлено разваливающимся «Запорожцем». А непобедимое начало — бандитским «Мерседесом-600», в зад которому «Запорожец» врезался на перекрестке, после чего и начинался новорусский

дискурс. В чем символическое значение перекрестка, объяснять не надо — это и крест господень, и распутье, и роза ветров... Есть много причин, по которым народная душа вступает в брак с собою именно на перекрестке. Это надо раздвинуть?

Иногда Мюс все же употребляла кальки с английского.

- Нет, не надо, сказал Степа. Про символический брак он слушать не хотел слова «бандит», «зад» и «дискурс» в одном предложении не особо радовали. Дело было в том, что попытки Мюс объяснить ему смысл слова «дискурс» не увенчались успехом, и единственная ассоциация, которая у него каждый раз возникала, была с болгарским словом «кур», аналогом великого русского трехбуквенника, отчего «дискурс» казался чем-то вроде дисконтного пениса из Болгарии. Из-за этого смысл фразы делался грозно-многозначительным.
- Важно здесь то, что сегодня этот символический брак происходит в новой форме. Социологи еще ничего не поняли, а фольклор уже отразил случившуюся перемену. Она видна в анекдоте про шестисотый «Мерседес» и черную «Волгу». Как следует из его анализа, оба исконных начала лоховатое и непобедимо-могучее получили в народной ментальности новые репрезентации. Эта революция в сознании и есть парадигматический сдвиг. Я понятно говорю?
- Нормально, сказал Степа. А что за анекдот такой?
- Ну как же, ответила Мюс. Шестисотый «Мерседес» врезается на перекрестке в зад черной «Волге» с тонированными стеклами. Бандит выскакивает из «Мерседеса», начинает прикладом крушить стекла в «Волге» и видит в ней полковника ФСБ. «Товарищ полковник,

я все стучу, стучу, а вы не открываете... Куда деньги заносить?»

Степа не засмеялся, а наоборот, сразу пригорюнился. Мюс добавила:

- И чем этот анекдот особенно интересен, это тем, что других после него уже не предвидится. Он, так сказать, один на всех, как победа.
- Какой же это анекдот, вздохнул Степа. Это жизнь...

Он и сам всей кожей чувствовал ветер перемен, хоть и не мог найти для его описания таких замечательных слов, какие были у Мюс.

Жизнь менялась. Бандиты исчезали из бизнеса, как крысы, которые куда-то уходят перед надвигающимся стихийным бедствием. По инерции они все еще разруливали по дорогам на вульгарно дорогих машинах и нюхали героин в своих барочных дворцах, но все чаще на важную «стрелку» с обеих сторон приезжали люди с погонами, которые как бы в шутку отдавали друг другу честь при встрече — отчего делалось неясно, можно ли вообще называть такое мероприятие «стрелкой». Степу эти веяния пока что не затрагивали. И вдруг ясным апрельским утром к нему прямо в офис завалилась «крыша» — страшные братья Иса и Муса.

Степа сразу понял — что-то не так. Иса и Муса пришли без звонка, и вид у них был тревожный. Оба были небриты, и если это шло молодому волку Мусе, то плейбой Иса не выигрывал от седой щетины на подбородке совершенно. Она делала его похожим на пожилого пастуха, который нашел клубный пиджак среди обломков разбившегося в горах самолета. Кроме того, от братьев попахивало потом — похоже, они не мылись уже несколько дней.

— Пойдешь с нами, Степа, — сказал Иса.

В его голосе звучал такой спокойный фатализм по отношению к чужой судьбе, что Степа только в машине понял, что мог бы, наверно, и отказаться. Или не мог? Гадать об этом было поздно — братья посадили его на переднее сиденье, сами сели на заднее и велели шоферу ехать в центр. Всю дорогу они тихо о чем-то спорили, продолжая начатый раньше разговор. Степа изо всех сил вслушивался в беседу, пытаясь догадаться, что его ждет и какие у братьев планы. Но об этом не было сказано ни слова. Он мало что понимал по словам, которые долетали до него сквозь шум движения. Иса говорил:

- Не позорь наш род, брат. Ты чечен, какой дзогчен? Нюхай их кокаин, порти их женщин, вали их мужчин. Но не ищи ничего в их душах, им туда шайтан насрал. Чего тебе в исламе не хватает?
- Говорят, ответил Муса, в конце этого пути можно стать радугой. А в конце твоего пути, Иса, становишься просто трупом. Ни один суфий не научит тебя стать радугой.
- Ай, радуга! воскликнул Иса. Я все про это знаю. Почему ты думаешь, что твой брат такой дурак? Чтобы стать радугой, надо всю жизнь сидеть в вонючей пещере. И то неизвестно, получится у тебя или нет никто не видел ни одного человека, у которого это получилось, все видели только радугу. Ты говоришь, в исламе нет радужного тела. Это так, да. Я тебе больше скажу. В исламе нет астрального тела, нет ментального тела, нет эфирного, нет кефирного, профсоюзного и так далее. Всего этого нет. Но зато у нас есть шрапнельно-осколочное тело, которого нет ни у буддистов, ни у христиан, ни у кого. И его, брат, можно достичь всегда, даже с похмелья или на самом страшном кумаре. По милости Аллаха его

можно обрести за пять минут, нужно только четыре кило хорошего пластита и три кило стальных шариков. И детонатор, понятное дело. И не надо сидеть всю жизнь в вонючей пещере, бормоча какие-то заклинания. Быстро! Красиво! А природа у этих тел все равно одна и та же!

- Это почему? спросил Муса.
- Да потому, что другой вообще не бывает.
- Не понимаю.
- Если ты этого не понимаешь, брат, как же ты тогда собираешься стать радугой?

Иса довольно засмеялся. Муса погрузился в глубокую думу. Иса время от времени говорил шоферу, куда поворачивать, и вскоре машина выехала на Тверскую.

- Куда едем-то? задал Степа мучивший его вопрос. На «стрелку», куда ж еще, ответил Иса.
- А с кем?
- Да с одним фраером из ФСБ. Говорит, у него сразу к нам троим дело.
- А мне обязательно присутствовать? осторожно спросил Степа. — Я же в этих делах не того... Может, вы между собой вопрос решите?

Иса пожал плечами.

- Я-то не против. Но этот, из ФСБ, настаивал. Говорил, документ какой-то подписать надо. Все уже подписали, только мы остались.
  - A кто это такой? спросил Степа.
  - Какой-то капитан Лебедкин.
  - Я такого не знаю.
- -Я тоже, ответил Иса. Зато он нас знает. Вот и познакомимся, время такое, что лучше дружить. Тормозни-ка у перехода, дальше пешком дойдем. Тут близко.

Последние слова были адресованы шоферу. Машина остановилась.

Степа поглядел в окно. Они находились на Тверской возле площади Белорусского вокзала. На улице была весна. Ярко синело свежевымытое небо, и даже асфальт лучился какой-то непонятной пыльной радостью. Но Степе совсем не хотелось вылезать из машины навстречу этому великолепию. Больше того, если бы в полу машины был люк, а под этим люком другой, канализационный, то Степа горлумом перелез бы из солнечного апрельского дня в темное подземное зловоние. И вовсе не из верности идеалам «Санбанка». Ему было страшно.

Сзади хлопнула дверь.

— Выходи, приехали, — позвал с улицы Иса.

Когда они спустились в подземный переход, Иса весело объяснил, что выходить из машины перед «стрелкой» следует не меньше чем за сто метров от места встречи и приближаться к нему надо рассредоточившись — «чтобы не поставили на фугас», как он выразился. После этих слов Степа несколько секунд боролся с позорным желанием отойти в сторону, снять штаны и присесть прямо между лотков с криминальными романами. Он никогда раньше не ездил на «стрелку», и у него было дурное предчувствие. Но братья, казалось, совсем не были озабочены происходящим — Муса думал о чем-то своем, а Иса насвистывал, зорко поглядывая по сторонам.

- Куда идем? поинтересовался Степа, когда они поднялись на поверхность с другой стороны Тверской.
- Уже пришли почти. Тут рядом, ресторан «Якитория».

Степа помнил из статьи в каком-то журнале, что слово «Якитория» значит по-японски что-то вроде «шашлычная».

«Вот и пустят на шашлыки, — подумал он. — Прямо сейчас».

43

Степа никогда не бывал в этом ресторане. Маленький зал с открытой кухней в центре напоминал формой букву «П». Кухню отделяла от остального помещения невысокая стенка-аквариум. За ней стояли два повара — пепельнобледный кореец со шрамом на лбу, который резал рыбу и ловко лепил рисовые колобки, и его помощник, блондин в темных очках, который рубил водоросли большим ножом-сечкой. Зал оказался пуст, только в одном углу закусывала компания спортсменов блатного вида. Их было пять человек, и один сидел за торцом стола, занимая большим телом в тренировочном костюме весь проход.

Покосившись на них, Иса прошел в противоположный конец зала и сел у стойки, лицом к кухне. Муса вместе со Степой молча сели по бокам от него. Степа догадался, что Иса выбрал позицию таким образом, чтобы аквариум с золотыми рыбками закрывал их от спортивной компании. Кроме того, он предположил, что Иса сел за узкую и неудобную стойку потому, что из-за нее легче будет выскочить в случае опасности. Степа чувствовал себя суровым и опытным воином, только чуть тряслись руки.

Иса сделал заказ — три больших набора суши и саке. Саке принесли сразу, и все трое чокнулись.

- A как он хоть выглядит, этот Лебедкин? прошептал Степа.
  - Не знаю, сказал Иса.
  - За тем столом его случайно нет?
- Послушай, ну как я могу знать, есть он за тем столом или нет, если я его никогда не видел? Сам нас найдет.

Степа понял, что проявляет излишнюю суетливость, и погрузился в молчание. Братья тоже молчали — Муса

все так же напряженно думал, а Иса с легкой улыбкой перебирал янтарные четки.

Прямо перед Степиным лицом была прозрачная стенка аквариума, над которым маячили головы поваров. Пепельный кореец работал, не отрывая глаз от стола. Блондин-подмастерье приветливо улыбнулся Степе.

«Знал бы ты, дурень, зачем мы здесь сидим, — подумал Степа, — в штаны б насрал».

В желтоватой воде перед Степиными глазами висела большая золотая рыбка с раздвоенным хвостом — покачивая плавниками, она загадочно глядела на Степу круглым глазом-кнопкой. Сквозь аквариум была видна разделочная доска, на которой руки повара нарезали одинаковые ломтики лосося. Степа подумал, что в самый раз было бы попросить о чем-нибудь золотую рыбку.

«Рыбка, рыбка, — неслышно прошептал он, — сделай так, чтобы я ушел отсюда живой и здоровый... Эх, любые деньги отдал бы».

Рыбка махнула хвостом и отвернулась.

«Ну и жизнь у нее, — подумал Степа. — С одной стороны доска, где таких, как ты, разделывают. С другой стороны стойка, где таких, как ты, едят. Куда ни погляди, или то, или это. У рыб память — три минуты. Но даже это, наверно, не спасает, потому что с одной стороны все время режут, а с другой все время едят. Все как у людей. Плавает посередине, мечет свою икорку и надеется, что дети будут жить лучше... А я еще о чем-то ее прошу».

- Эй, на кухне, поживее можно? — позвал один из спортсменов. — Уже сорок минут салат ждем.

Блондин кивнул, чуть сгорбился и принялся резать свои водоросли быстрее.

— И сними очки, дятел, а то не ту морковку нам нарежешь, — сказал другой спортсмен.

Остальные засмеялись. Ассистент повара действительно стучал своей сечкой по доске часто, как дятел, так что сравнение вышло точным.

Иса поглядел на часы.

Опаздывает, — сказал он. — Занятый, наверно, очень.

Муса тоже поглядел на часы.

- Ты про кого, спросил он, про поваров? Или про того, кого мы ждем?
- Как тебе хочется, ответил Иса. Можно про того, кого мы ждем. А можно про поваров.

Эти слова, видимо, сдвинули думу Мусы с мертвой точки.

- Слушай, брат, сказал он, а что это за природа?
- Ты о чем? спросил Иса.
- Ну ты в машине говорил, что у шрапнельно-осколочного тела такая же природа, как у радужного. А что это за природа?
- Тебе про это лучше не спрашивать, брат, нахмурился Иса.
  - Почему?
  - Ты к этому еще не готов.
  - Как не готов?
  - А так. Был бы готов, не спрашивал бы.
  - Так ты можешь ответить или нет?
- Могу. Но если ты увидишь эту природу, ты потом не захочешь смотреть ни на что другое.
  - И хорошо. Объясни.
  - Лучше не торопись, брат.
  - Нет, Иса, не увиливай. Говори. Я хочу знать.

- Я последний раз тебя как брат прошу, сказал Иса, перестань.
- Та-а, махнул рукой Муса. Голову мне дуришь. Ты сам не знаешь.
- Я не знаю? вскипел Иса и ударил кулаком по стойке так, что графинчик саке опрокинулся. Я знаю!
- Тогда объясни. Я как мужчина и воин за свой базар отвечаю!

И Муса тоже ударил кулаком по стойке.

Глаза Исы превратились в две узких щелочки.

- Ну что же, - сказал он. - Ты сам попросил. Смотри теперь внимательно! Не пропусти!

Он поднялся на ноги и сдвинул в сторону два ближайших столика, опрокинув при этом несколько стульев. Встав в центре образовавшейся пустоты, он сложил руки в районе паха и легко закружился на месте, поднимая их вдоль туловища. Степа не успел налюбоваться на этот странный танец — Иса сделал всего несколько поворотов.

Когда его руки оказались на уровне груди, у Степы над головой грохнул удар такой ошеломляющей силы, что он сразу же перестал бояться чего бы то ни было.

Второй выстрел, раздавшийся следом, показался оглохшему Степе негромким — словно где-то рядом с ухом разорвали кусок ткани. Иса больше не кружился, а сползал вниз по стене, оставляя за собой широкий кровавый след.

Третий и четвертый выстрелы Степа не столько услышал, сколько ощутил и увидел — ему на ноги хлынул холодный водопад из выбитой секции аквариума, а Муса, который поднимался с соседнего стула, пытаясь вытащить руку из кармана, оказался лежащим у стены рядом с Исой в уютной позе эмбриона.

Вокруг братьев стала растекаться по полу общая темная лужа. Возле разжавшегося кулака Мусы в ней плавал маленький пластиковый кружок, в котором Степа опознал тысячедолларовую фишку из казино.

Стало тихо. Степа услышал, как на пол льется вода. Он поднял глаза. Там, где только что плавала золотая рыбка, теперь была прямоугольная пробоина — выстрелами выбило всю метровую секцию аквариума. За ней стоял ассистент повара в темных очках, сжимая в руках помповое ружье необычайно большого калибра. Самого повара видно не было — наверно, упал на пол.

За столиком, где сидели спортсмены, кто-то охнул.

— Всем сидеть! — крикнул ассистент и махнул стволом. — Спокойно! Джедай бизнес!

Степа смотрел «Звездные войны» и догадался, что страшного больше не будет. А в следующий момент он почувствовал, что у него на коленях что-то трепыхается. В ложбинке между его мокрых ног, рядом с прядью водорослей и куском пластика, лежала золотая рыбка. Он протянул к ней руку.

- Руки на стойку! заорал ассистент повара.
- Тут рыбка, сказал Степа, поспешно выполняя приказ.

Почему-то эти слова произвели на ассистента впечатление. Он перегнулся через стойку и посмотрел Степе на ноги.

— Верно, рыбка, — сказал он. — Вот попала, а? Сейчас что-нибудь придумаем...

Он огляделся по сторонам, но, видимо, не увидел ничего подходящего. Тогда он положил ружье на разделочную доску, поднырнул под стойкой и подошел к столу, за которым сидела парализованная компания. Взяв лаковую ладью, в которой подавался парадный набор су-

ши, он вывалил ее содержимое на голову спортсмену, который пошутил насчет морковки. Тот покорно дернулся на месте, даже не закрывшись руками. Ассистент повара вернулся на кухню и налил в ладью воды из-под крана.

 Давай, — сказал он, ставя ладью на стойку перед Степой.

Степа со второй попытки подхватил рыбку в ладонь и пустил в ладью. Нервно вильнув хвостом, рыбка доплыла сначала до одного конца своей новой вселенной, потом до другого и замерла на месте. Ассистент поглядел вниз, туда, где до сих пор прятался повар-кореец.

— Слышь, любимый руководитель, — сказал он, — ты это, пусти ее потом в аквариум. А то я не пойму, как он у вас открывается...

Степа закрыл глаза.

Когда через минуту или две он немного пришел в себя и решился снова открыть их, в зале были новые посетители — трое в военной форме, еще двое в штатском. Растерянных спортсменов уже выгнали на улицу, даже не дав им забрать вещи — на окне осталась ярко-желтая теннисная сумка. Степа увидел, как ассистент повара поднимает руку с оттопыренным большим пальцем, затем медленно поворачивает палец вниз. Ему кивнул майор с петлицами войск связи, который, кажется, был у прибывших за главного. Другой офицер надел на руку прозрачный пластиковый пакет, присел на пол возле трупа Исы и откинул в стороны опаленные полы пиджака.

На черной от крови рубашке было что-то вроде упряжи, из которой торчали два вороненых пистолета, похожих на «кольты», только больше размером. Степа понял, что это и есть знаменитые «стечкины», стреляющие оче-

редями убивальники, из-за которых о братьях ходила такая мрачная слава.

Те самые, отвечаю, — сказал пожилой мужчина
в штатском. — Срочно на баллистическую.

Степа почувствовал, как кто-то трогает его за локоть. Рядом стоял стрелок в черных очках.

- Поговорим? спросил он.
- Трудно отказаться, ответил Степа, вставая.

Они устроились за столом у окна, там, где раньше сидели спортсмены. Степа сначала сложил пальцы в замок, но все равно было видно, что руки дрожат. Тогда он спрятал их под стол.

— Тебя я знаю, Степан Аркадьевич. Уже давно, — сказал блондин. — А я — скромный джедай Леонид Лебедкин. Можно просто Леон. Четвертое главное управление Φ CБ по борьбе с финансовым терроризмом.

«Четвертое, — быстро подумал Степа, — это скорее ближе к «тридцать четвертое», чем к «сорок третье». Потому что одно слово целиком совпадает. Но, с другой стороны, начинается-то с четырех! Неясно..

Как так может быть, — спросил он, — четвертое главное? Что их, четыре главных?

Лебедкин засмеялся.

У него была удивительная манера смеяться, которая сразу запоминалась навсегда. Сначала смех звучал искренне и заразительно, а улыбка делала курносое лицо капитана таким симпатичным, что вспоминались романтические летчики из первых советских фильмов. Но на последних двух или трех тактах, когда смех затихал, в нем прорезалось что-то пронзительное, звонковзвизгивающее и дребезжаще-злое — словно долетало эхо какого-то похожего по тембру, но не имеющего от-

ношения к веселью звука. Этот звук был жуток, хотя Степа не мог сказать точно, что это такое — то ли стон, то ли вой лагерной суки, то ли визг тормозов. К тому же лицо смеющегося Лебедкина запрокидывалось вверх, и изпод темных стекол вдруг обжигали холодом два бледноголубых внимательных глаза...

— Я объясню, — сказал он. — Вот смотри, с одной стороны, оно как бы четвертое. А с другой — для них, — он кивнул в сторону трупов, — оказалось самое главное, какое только бывает. Понял, нет?

Аргумент был простой и хрустально-ясный, Степа оценил его сразу.

- Понял, да, сказал он. Так это вы нам эту «стрелку»...
- Можно и на ты, перебил Лебедкин. Чего мы с тобой, старперы, что ли?
  - Так это ты нам эту стрелку назначил?
  - Я назначил. Только не тебе, а им.
- А они сказали, что вы... То есть ты... Что ты всем тро-им велел прийти.
- Ты больше абреков слушай, сказал Лебедкин. Запомни, все чеченские «крыши» берут своих коммерсантов на «стрелки» в качестве живого щита. А пятьдесят процентов московских коммерсантов, которые побывали под «крышей» у чеченов, вообще кастрированы. Такой у них обычай. Ты про это знаешь?

Степа отрицательно помотал головой.

- И неудивительно. Кто ж в таком признается. Так что я тебе сегодня, можешь считать, жизнь спас, и не только жизнь, а еще кое-что на бонус, понял, нет? А то, что они тебе говорили... Разводить они умеют, не ссы.
- Обязательно надо было их убивать? спросил Степа.

- Ты, я вижу, так ничего не понял. Ты хоть знаешь, кто был этот Иса?
  - Кто?

Лебедкин наклонился к Степе, и тот снова увидел его холодные голубые глаза, в этот раз над стеклами.

- Вращающийся дервиш смерти.
- А что это?
- Есть такой орден вращающихся дервишей, с центром в турецком городе Конья. Они типа вращаются на месте и входят в особый мистический транс. В общем, мирные люди. Но не все. Несколько человек из ордена перебежали к Усаме бен Ладену и основали новую школу огнестрельного боя. Знаешь, есть стрельба по-македонски?

Степа кивнул.

— А это называется стрельба по-кандагарски. Такой дервиш, короче, начинает крутиться, входит в транс, вынимает стволы, руки в стороны... А дальше все как в страшном сне. Хорошо, если у него, к примеру, два «кольта» или там «глока». Это еще уйти можно, если повезет. А если два «узи» или «аграна», в радиусе сто метров хана всему, что шевелится и думает. Понял, нет?

Лебедкин взъерошил ладонью волосы.

— Этот, — сказал он, кивая в угол, где лежал Иса, — у них вообще был что-то вроде сенсея. Про него легенды ходили. Пел стихи Джалалиддина Руми и хуячил из двух стволов не глядя, как швейная машина. Ни одна пуля зря не уходила. Страшный человек. Да что я тебе говорю. От него сам Саша Македонский как заяц бегал, когда Даниловский рынок делили. Правда, Михалыч?

Майор связи, который прислушивался к разговору, утвердительно кивнул.

— Так он что, — спросил Степа, — стрелять собирался?

— А ты думал. Он уже руки к груди поднял, еще секунда, и здесь все в дырах было бы.

Майор сел рядом с Лебедкиным и положил на стол черную папку с маленьким латунным замком. Степа посмотрел в его равнодушное, как у каменной бабы, лицо и вздохнул.

- Неужели нельзя было... Ну, договориться?
- Договориться? Хе-хе-хе-хе... Михалыч, он нам не верит. Покажи ему.

Майор открыл папку и вынул из нее лист бумаги с картинкой, похожей на фотографию луны в телескоп.

- Что это?
- Спутниковая съемка. Тренировочный лагерь суфийского диверсионно-штурмового батальона вращающихся смертников под Кандагаром. Вот в этом кружке видишь, пипочка в центре? палатка Исы и Мусы Джулаевых. Снимок сделан в момент, когда Иса говорит по спутниковому телефону с передвижным заводом по производству рицина в Панкисском ущелье. Понял, нет?
  - Понял.
- Видишь в углу снимка цифры? Четырнадцать тридцать пять, шестое августа. Это чтоб сомнений не было. У нас и разговор записан, будь уверен.
  - Круто, сказал Степа.
- И ты таким людям платишь, Степан Аркадьевич. Как же так?

Степа виновато развел руками.

— Я не знал, — сказал он. — Откуда мне было знать, что они эти... вращающиеся финансовые террористы.

Лебедкин опять засмеялся, и Степе снова стало не по себе.

- Нет, Степан Аркадьевич, сказал Лебедкин. Финансовые террористы не они. Финансовый террорист у нас ты.
  - Это как?
  - A так. Подумай.

Степа начал думать. Ясность в уме наступила довольно быстро.

- Ага, сказал он. Ага... Кажется, понимаю. Я ведь правильно понял?
  - Правильно, кивнул Лебедкин.
  - И как теперь, если да?

Лебедкин поглядел на майора связи.

- Ну как на такого парня злиться. Правильно сказал русский классик, «быть можно дельным человеком, ни разу срока не мотав».
- Там не так, сказал майор связи. Там кончается «ни разу зону не топтав».

Возникла пауза. Степа заметил, что у него почти полностью восстановился слух. Он слышал доносящийся с улицы шум машин. Детский голос прокричал «Дура! Не хочу!». Где-то далеко-далеко гудел самолет.

— Ну что, простим на первый раз? — спросил наконец Лебедкин.

Майор почесал голову.

- Простим, сказал он. Если перестанет терроризмом заниматься.
- Слышал, Степан Аркадьевич? строго глянул на Степу Лебедкин. Чтоб больше никакого терроризма у нас не было. Я не шучу.
- Понимаю, скромно сказал Степа. Постараюсь. Научите жить по-новому.
- Встречаться будем раз в месяц, сказал Лебедкин. Как говорил государь Александр Павлович, при

мне все будет, как при бабушке. А как при бабушке было, я видел в дырочку, хе-хе-хе-хе... Так что расслабься, Степан Аркадьевич, расслабься. Business as usual. Я, как тебя увидел, сразу понял, что ты к этим говнюкам никакого отношения не имеешь. Так что, если проблемы будут, с законом, или наоборот, звони. Вот мой мобильный.

Лебедкин уронил на стол маленькую карточку.

Вроде все у нас? — спросил он дружелюбно.
Степа кивнул.

Лебедкин взял папку, из которой перед этим вынырнула спутниковая фотография, и вынул из нее другой лист.

— Тогда подпиши, — сказал он, кладя его перед Степой. — Чтобы я в арбитраж мог пойти в случае чего, хехе-хе-хе...

Степа поглядел на стол. Перед ним лежал гербовый бланк с коротким печатным текстом:

Меморандум о намерениях

Я, Михайлов Степан Аркадьевич, все понял. Подпись:

Степа хотел было спросить, каким образом у Лебедкина оказался с собой лист с его впечатанным именем, если он действительно не приглашал его на встречу. Но он не задал вопроса. Отчасти потому, что не хотел лишний раз услышать странный смех капитана. А отчасти потому, что такой поступок вошел бы в противоречие с духом меморандума о намерениях, показывая, что он чего-то до сих пор не понял. А ясно было все. Он вздохнул, поглядел на стойку, где так и стояла лаковая лодка (отчегото показавшаяся похожей на чеченскую погребальную ладью), и вынул из кармана перьевой «Mont-blanc».

34

Бойня в «Якитории» наполнила Степину душу ужасом и омерзением, которые любой нормальный человек испытывает от близости насильственной смерти. Несмотря на это, он вынырнул из кровавой купели полный сил и оптимизма. Причина была простой: смена «крыши» произошла третьего апреля, то есть третьего числа четвертого месяца. Яснее число «34», наверно, не могло себя явить, разве что воплотиться в мессии с тремя ногами и четырьмя руками. Поэтому добравшийся наконец до него парадигматический сдвиг вызвал в Степе то же восторженное чувство, которое поэт Маяковский в свое время выразил в словах: «Сомнений не было — моя революция!»

Новое пришло к Степе с большим опозданием. Постоянная близость Исы и Мусы мешала поверить в реальность происходящих в стране перемен. Теперь, когда главную занозу вынули из мозга, горизонт показался безоблачно-чистым. Но сомнение все равно мелькнуло на дне души: Степа помнил, что за границей при написании даты сначала ставят месяц, а потом уже число, и тогда выходило, что жизнь по новым порядкам сулит ему самое настоящее «43». Но с этой мыслью жить было нельзя, и Степа не хотел даже начинать ее думать.

Ветер смерти, подувший совсем рядом, временно сделал его смелым человеком — он понял, что боялся не того, чего следовало, и, как часто бывает, до следующего сильного испуга перестал бояться чего бы то ни было вообще. Этим и объяснялся тот безрассудный привет, который он послал новой эпохе. У Мюс был знакомый рекламщик, которого она называла «циничным специалистом» и очень хвалила в профессиональном смысле.

Степа проплатил рекламную плоскость на Рублевском шоссе, как раз в том месте, к которому выводила тропинка с его дачи. На этой плоскости поместили огромную эмблему Φ CБ — щит и меч — и придуманный специалистом текст: «ЩИТ HAPPENS!» ^{1}

Через несколько дней ему позвонил Лебедкин.

- Слушай, сказал он, я тут по Рублевке проезжал. Где твоя наружка стоит... Насчет картинки все ништяк. Вот только текст какой-то...
  - А что такое? спросил Степа.
- Ты закон о языке знаешь? Ну вот. Чтоб это английское слово убрал на хуй. Что у нас, русских мало? Подумай, Степа, подумай. Картинку не трогай, а надпись подлечи. Понял, нет?

Степа понял. Пришлось снова обратиться к циничному специалисту. Тот придумал новый слоган, которым заклеили старый: «Все БАБы суки!» Этот вариант Лебедкину понравился гораздо больше.

— Вот! — сказал он, позвонив прямо с Рублевки. — Чувствуется человек, небезразличный к судьбам страны и мира. Не эря я тебе жизнь спас, Степа...

Самое интересное, что Лебедкин говорил сущую правду. Он действительно спас Степину жизнь.

Бизнес шел совсем не так гладко, как в дни, когда Степе исполнилось солнечное число лет. Сложности, начавшиеся после кризиса, не уходили, а все накапливались, постепенно сгущаясь в непробиваемую стену напротив его лба. Это тоже в некотором роде было связано с парадигматическим сдвигом.

 $^{^1}$ От английского «shit happens» — «проблемам свойственно возникать».

В финансовом пространстве России оседала муть, в которой раньше могли кормиться небольшие хищники вроде «Санбанка». Все становилось прозрачным и понятным. Серьезные денежные реки, попетляв по Среднерусской возвышенности, заворачивали к черным дырам, о которых не принято было говорить в хорошем обществе по причинам, о которых тоже не принято было говорить в хорошем обществе. Степин бизнес в число этих черных дыр не попал по причинам, о которых в хорошем обществе говорить было не принято, так что Степа постепенно начинал ненавидеть это хорошее общество, где всем все ясно, но ни о чем нельзя сказать вслух. Он даже переставал иногда понимать, что, собственно говоря, в этом обществе такого хорошего.

Но волновали его не столько общественные проблемы, сколько профессиональные. А они заключались в том, что мелкие банки вымирали. Здравый смысл подсказывал, что это когда-нибудь может произойти и с опорой священного числа — «Санбанком», — но защитные механизмы Степиной психики не пропускали это понимание в область осознанного, что приводило к ночным кошмарам и дневным депрессиям.

Банкиры Степиного калибра решали проблему, ложась под крупные фирмы реального сектора. Они становились так называемыми «карманными банками». Перейдя на обслуживание одного главного клиента, они повисали в его финансовом потоке, как пловец, гребущий навстречу струе воды в бассейне с джет-тренажером. При этом они могли по-прежнему заниматься другими операциями, просто у них появлялась опора. Степа давно мечтал о таком варианте, но его пронзительная чеченская крыша, наследие эпохи первоначального на-

копления, отпугивала возможных партнеров. К сожалению, эту проблему было сложно объяснить Мусе с Исой. Степе достаточно было представить контуры будущего разговора (выражение удивления на небритом лице Мусы, сменяющееся недоверием, а потом гневом), чтобы у него пропало желание предпринимать хоть что-то.

Но стоило его крыше потерять свой острый национальный колорит, как подходящий партнер нашелся сам. Через пару месяцев после знакомства с Лебедкиным на Степу вышли люди, представлявшие русско-французскую нефтяную фирму «Ойл Эве». Она была зарегистрирована на территории Эвенкского национального округа (налоговая льгота, сразу понял Степа), а ее центральный офис находился в Париже (красное и белое, как говорил великий Стендаль). Они предложили Степе именно тот вариант, о котором он мечтал уже давно, — превратиться в «карманный банк» (такая операция на европейской банковской фене назвалась «merder» — гибрид слов «merger» и «tender»).

Степа проанализировал название «Ойл Эве». Первое слово состояло из трех букв. Второе — тоже из трех. Это походило на неустойчивое равновесие. Степа истолковал свои ощущения следующим образом — благоприятным или неблагоприятным союз станет в зависимости от его действий. Возражений со стороны чисел не предвиделось.

Была только одна проблема. О фирме «Ойл Эве» никто ничего толком не знал, из чего следовало, что это какая-то подставная структура. Степа сразу понял, в чем дело. Это был *семейный бизнес*. Такой внезапный и высокий взлет вызывал приятную щекотку под ложечкой. Условия, которые предложили загадочные нефтяники, заставляли вспомнить о божественной любви, бесконеч-